

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

◆
Диалогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

◆
«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«МОЦАРТ»

◆
Диалогия
«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»
«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

◆
Трилогия
«ААРГХ»
«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

◆
С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

◆
С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

◆
Трилогия
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

◆
Цикл
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

◆
«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

◆
«ЛАНА»

◆
В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»
«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»

◆
С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«БЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья
«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

Тайный сыск царя Гороха
Заговор Черной Мессы

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 142

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 Тайный сыск царя Гороха: Тайный сыск царя Гороха; Заговор Черной Мессы: Фантастические романы. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.—490 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1529-8

Оба романа известного российского писателя Андрея Белянина «Тайный сыск царя Гороха» и «Заговор Черной Мессы» объединены одним героем — младшим лейтенантом милиции Никитой Ивановичем Ивашовым. Волею судьбы или случая Никита Иванович оказывается во времена царя Гороха, где ему поручается должность сыскаго воеводы, а отделение милиции под его руководством расквартировывают в тереме Бабы Яги.

Ох и нелегка работа милицейская! А уж при царе Горохе тем более...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1529-8

© Белянин А. О., 1999
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 1999

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА

роман

— Встать, суд идет!

В душном помещении находится всего несколько человек: подсудимый с конвоирами, двое свидетелей, молодой участковый, адвокат, прокурор плюс два практиканта из Саратовского юридического университета. Дело будничное и скучное.

«Гражданин Д., находясь в нетрезвом состоянии, влез по пожарной лестнице в окно квартиры гражданки М., каковая в это время ушла в магазин за хлебом. Д. взял из квартиры деньги в размере 48 рублей и ценные вещи, как то: магнитофон «Маяк» 1967 г. выпуска, телефонный аппарат, четыре фужера хрустальных, вазу для цветов деревянную, с росписью под Хохлому, завязал все это в скатерть и пытался совершить кражу. Но, сбегая по лестнице, поскользнулся, упал и сломал ногу. Вышедшие на шум соседи вызвали наряд милиции, которая и доставила похитителя в отделение, где ему была оказана необходимая медицинская помощь. От признания себя виновным гражданин Д. отказывается, ссылаясь на то, что был пьян.

Материалы по делу предоставлены участковым Серпуховского отделения милиции г. Москва.

Доклад составлен младшим лейтенантом Ивашовым Н.И.».

Суд выносит приговор, осуждая виновного по статье № 158 «Кража со взломом» к лишению свободы сроком на четыре года с отбыванием наказания в колонии обычного режима. Подсудимый вскакивает с места и кричит: — Не виноватый я! Бес попутал...

— Ку-ка-ре-ку!

Опять тот же сон... Что за напасть? Третий раз за последнюю неделю. Никак не могу толком выспаться... Это было мое первое дело. Особо я себя ничем тогда не проявил, запомнилось лишь потому, что первое и... последнее — в том мире. А солнце уже пробилось сквозь ставни терема и теплым лучом щекотало ресницы. Не хочу вставать...

— Ку-ка-ре-ку!

Уф... убью я этого петуха. Сегодня же скажу Яге, чтобы она из него суп сварила. Никакого сострадания к работникам милиции — будит, зараза, в пять утра!

— Никитушка-а...

Ну вот, легка на помине!.. Сейчас скажет, чтоб я, касатик, вставал, что завтрак на столе, что бумаги царевы еще с вечера не разобраны, и пошло-поехало... В гроб она меня вгонит своей заботой.

— Никитушка... Вставай, касатик, завтрак уже на столе. Самовар кипит, блинчики горячие, а я сметанку из погребца достала. А то ведь сам знаешь, бумаги-то царевы со вчерашнего не разобраны ле-

жат. Нехорошо... А то ить, как осерчает царь-ба-
тюшка, он у нас на расправу крут, ведь не сносить
тебе головы, сокол ты наш ясный.

— Ох, бабуля... — Я сладко потянулся под пе-
стрым лоскутным одеялом. — Что ж ты меня с
утра пораньше, да все запугиваешь? У нашего Го-
роха на все царство-государство только один млад-
ший лейтенант милиции. Не будет меня, кто здесь
еще работать станет?

— И не говори, голубчик, окромя тебя-то уж
точно некому, — любезно поддержала меня Баба
Яга, но линию свою гнула твердо: — А ты все
равно вставай. Чай, не забыл, что Гришка с Ни-
кишкой с вечера в порубе сидят, твоего разбира-
тельства дожидаются.

Вот так... Не мытьем, так катаньем, но бабка
своего добьется. Да я и спорю-то больше для
проформы. Ясное дело, что поспать больше все
равно не удастся. Ладно, пойду съем чего там на-
готовили и — за дела. Никишка с Гришкой — это
два лопуха из соседней Подберезовки. Вчера упи-
лись медом у ярыжки — и давай прохожих задирать.
Народец здесь не трусливый, повязали охломонов
да к нам в холодную. Ну, ночку они в порубе
провели, протрезвели, образумились. Выпускать их
надо к лешему, Митяй обоим по затылку даст и
на свободу с чистой совестью. Я встал, распахнул
окно, сделал несколько коротких гимнастических
упражнений. Хорошо!.. Умылся в лохани, снял с
гвоздя чистое полотенце, вышитое крестиком, вы-
терся, натянул форму и спустился вниз. Моя до-
мохозяйка хлопотала у широкого стола. На белой
скатерти был приготовлен настоящий пир — здо-
ровенная гора блинов, две миски— с медом и сме-

таной, клюква моченая в туюске, парное молоко в крынке и непременно самовар.

— Ну, бабуся, ты у меня просто прелесть! — Я чмокнул старушку в щеку и бухнулся на скамью. — Сейчас поем, а потом быстро за дела. Митяй еще не подошел?

— Как не подошел, касатик? Он еще до петухов на завалинке сидел, все тебя дожидался.

— Буду... скоро буду... — прочавкал я.

Яга присела на табуреточку у печки, не сводя с меня умиленного взгляда. Должен признать, что царь проявил редкую проницательность, поселив меня на квартиру именно к Бабе Яге. Старуха давно скучала одна, замужем не была сроду, ни детей, ни плетей — вот и изливала на мою скромную особу весь запас нерастраченной материнской нежности. К тому же в деле сыска была просто бесценным информатором. Откуда что знала — ума не приложу...

— Никитушка... Я вот все спросить хочу, а почему ты каждое утро к столу при всем параде выходишь, а?

— Не при всем... китель и фуражка остались в сених. А форма нужна для солидности. Ты ж знаешь царских гонцов — ни свет ни заря все ломаются со своими депешами. Не могу же я их в рубахе да подштанниках встречать? Уважать перестанут.

Я врал. Просто милицейская форма — это то небольшое, что еще связывало меня с моим миром. Уже почти два месяца, как я заброшен в сказочную страну, неизвестно какое царство-государство, и несу привычную службу по охране закона и порядка. Живу в столице, большом по здешним меркам городе, под названием Лукошкино. Правит

им царь Горох. Крепкий неглупый мужик с густой бородой и прогрессивным взглядом на жизнь. Когда он узнал, кто я и чем занимаюсь, то сразу же предложил создать столичное управление милиции, а меня назначил туда воеводой. Правда, воеводство мне особенно не над кем. Вон разве что Митяй... Этого парня мне дали в нагрузку, попросили пристроить к делу. Сам он из деревенских, двадцати трех лет от роду, росту в два метра да в плечах полтора, силища немереная, храбрости хоть отбавляй, единственное, чего нет — так это ума. Во всем прочем — отличный исполнитель и слушается меня, как родную маму.

— Никитушка, — прервала мои воспоминания бабка, быстрым шагом семеня к окну, — а ты ить прав был, вон они, настырники, едут! Видать, у царя опять случилось чего. Ох-ох-ох, дела наши грешные... И поесть-то спокойно не дадут.

— Ладно... — Я отодвинул миску с медом. — Бабуль, сделай мне по-быстрому стаканчик чаю, а там уж так и быть, пусть войдут.

Из-за окна раздался нестройный шум голосов:

— А ну пропусти, сиволапый! У нас цареве дело.

— Обождет, — невозмутимо отвечал бас верного Митяя, — батюшка воевода милиции еще завтракать изволют.

— Так ты, деревенщина, нам еще указывать будешь? Батогов захотел?!

Разговор оборвался после двух глухих ударов. Я привстал на скамье — обычно с таким звуком падает тело.

— Спаси и сохрани... — засуетилась Яга, вновь подбегая к окошку, — уж не убил ли он их, горемычных? Нет... Вон к колодцу тащит, у сруба по-

ложил, щас водой оболъет. Глянь-кось, Никитушка, зашевелились!

— Пойду я. Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Как ни верти, а придется за дело браться. Да, а что у нас на обед?

— Пирогы с визигой.

— М-м... замечательно! Прибереги, если буду задерживаться. Мне сегодня жалованье получать.

— Ты уж деньги-то, милок, суй за пазуху подалее, украдут, не ровен час...

— У лейтенанта милиции? Не смейши, старушка! — Быстро захватив в сених китель и фуражку, я вышел на крыльцо.

— Здравствуйте, батюшка.

— Здорово, Митяй. Кого это ты там поливаешь?

— Да вон холопы царские. Твою милость видеть хотели. Уж я уговаривал, объяснял, мол, воевода кушать изволит, а они, неслухи, ни в какую! Вынь да положь, а не то, говорят, терем разнесем! Ну, уж я так и эдак, и по-хорошему, и с поклонами...

— Брехло ты, Митька, — удовлетворенно крикнул я. — Ладно, поплескай еще, пусть скажут, зачем пожаловали.

Мой напарник от щедрой души вылил по полному ведру воды на каждого. Нарядные гонцы походили теперь на свиней, блаженствующих в луже.

— А... ап... смилуйся, батюшка! Отзови ты, Христа ради, своего ирода. Мы ж по делу...

— Вежливость — превыше всего! — наставительно отметил я. — Вон на воротах расписание висит: прием граждан с 9.00. А сейчас не более половины седьмого. Чего ради волну гнать?

— Так ведь спешное дело, государево, — приподнялся один, а другой так и сидел, раскрыв рот

и проверяя пальцем сохранность каждого зуба. — Царь наш просит тебя немедля во дворец идти, у них в казне большая покража обнаружилась. Мало три сотни золотых червонцев как корова языком слизнула!

— Ну, уж корова-то здесь точно ни при чем, — буркнул я.

Третья кража за две недели. Предыдущие были не так заметны, и царь не давал им огласки, думая, что сам засунул куда-нибудь свои ключи и перстень с хризопразом. Значит, допекло-таки его величество...

— Эй, Митяй! Запрягай кобылу, опергруппа, на выезд!

Царский терем был огромен — четыре этажа! В городе, где основная масса изб вообще едва видна от земли, это впечатляло. Дождя, слава богу, давно не было, дорога сухая, и мы добрались сравнительно быстро. Можно было бы и еще быстрее, если верхами, но в здешних краях престиж превыше всего. Как человека, облеченного властью, по вызову батюшки-царя меня всегда доставляли на телеге со специальным подобием кресла. Это мы с Митяем к табуретке спинку приколотили, укутали соломой, прикрыли ковром — получилось не хуже трона. Крестьяне и ремесленники при виде меня, гордо восседавшего на телеге с таким диковинным сиденьем, снимали шапки, кланялись и крестились. У ворот, путаясь под ногами у невозмутимой стражи, суетился думный дьяк Филимон. Обычно он и отсчитывал мне десять червонцев в месяц, по три раза проверяя и норовя подсунуть старые,

затертые. Дьяк был худ, высок, имел бегающие глазки, козлиную бородку и сварливый нрав.

— Где ж тебя черти-то стоко времени носят?! — накинулся он, даже не дожидаясь, пока я слезу.

— А где ваше «Здравствуйте, товарищ участковый»?

— Ну, здравствуй, здравствуй, сыскной воевода. Государь уж истомился весь, кричит, ногами топает, а тебя нет как нет!

— Вы не одни, вызовов полно, людей на все дела не хватает... — привычно забубнил я, но Филिमона на мякине не проведешь.

— Хитер ты больно, лейтенант. Гляди, доведешь батюшку — повисишь денек на дыбе, поумнеешь!

При случае обязательно дам ему в глаз, но сейчас не время и не место. Мы поднялись по ступенькам наверх. Царь ждал меня в главном зале на третьем этаже. Когда мы вошли, он мерил комнату шагами от окна до окна.

— Заходи, Никита Иванович... Жду тебя. А ты пошел вон.

— Но батюшка... а как же... кто ж слова твои мудрые записывать будет? Не ровен час, какое слово и утерается.

— Пошел вон! — рявкнул государь, замахиваясь на дьяка скипетром, но тот успел выкатиться за дверь.

Да, настроение у его величества не очень. Горох в таком состоянии действительно крутоват и скор на расправу.

— Ограбили меня, — глухо пожаловался он.

— Слышал. Давайте по порядку. — Я присел на скамью и раскрыл планшетку. — Какие ценности пропали?

— А ты не знаешь?!

— Слушайте, кто из нас двоих следователь — вы или я?! — Еще в школе милиции нам вдалбливали в головы — все под запись, все как положено, отчетность и еще раз отчетность. — Спрашиваю второй раз, что пропало?

— Перстень с хризопразом золотой, персидской работы. Сундучок дубовый, уголки да крышка железом резным обиты, в нем монет сотни на три, а то и больше... — пустился перечислять царь.

— Минуточку, гражданин! Помнится, на прошлой неделе у вас якобы пропали ключи?

— Ключи-то нашлись, под кроватью у меня валялись, а вот прочего нет.

— Все ясно. Кого подозреваете?

— Да всех! — разгорячился государь. — Ежели ты эту пропажу не найдешь, я тут всю челядь на кол пересажаю! А тебе велю голову отрубить, чтоб впредь не врал, будто воров ловить учен был.

— Ну, вы не очень-то... Милицейское управление лучше бы на ноги поставили, а то орете тут! Кто мне под начало тридцать стрельцов обещал? Кто божился ночное конное патрулирование финансировать? А матерьяльная база? Две кобылы да телега! Из всей сысской бригады — один Митяй. Ну не разорваться же нам обоим!

— Ладно... не серчай, — отошел Горох, но тут же стукнул кулаком по подоконнику: — А воров все ж таки найди!

— Найду, найду... куда они денутся. Где сундук-то стоял?

— Ясно где — в подвалах, где и прочая казна хранится.

— Мне надо осмотреть место преступления. — Захлопнув планшетку, я поднялся и кивнул царю:— Прощу следовать за мной.

Мы спустились в подвалы. Вход охраняла стража из четырех сменных стрельцов, однозначно утверждавших, что никто из посторонних к государевой казне близко не подходил. Знакомая картинка... Никто ничего не видел, не слышал и вообще не знает, о чем речь. Пока царь доставал ключи, я внимательно осмотрел здоровенные замки. Никаких следов взлома, если и открывали, то не самодельной отмычкой, а родными ключами. Петли, скобы, кованые гвозди — все настолько надежно, что хоть взрывай, одной фомкой никак не взять. Царь наконец отпер дверь, и мы вошли внутрь. Двое шагнувших следом стрельцов зажгли свечи в высоких подсвечниках. Сравнительно небольшое помещение оказалось чуть ли не под потолок заставлено сундуками, коробами да бочками.

— Тут весь запас — золотой, серебряный и медный. Каменья самоцветные в другом месте держу. Вещи из злата-серебра — тоже.

— А-а, тут, значит, у нас только монеты?

— Только они, — подтвердил государь.

— Это правильно. Личные сбережения нельзя держать в одном месте. Вот еще, кто имеет постоянный допуск к золоту?

— Я, боярин Мышкин, казначей Тюря да дьяк Филимон. Ах, вот оно что, — внезапно догадался Горох. — Вот, значит, о ком ты речь-то вел?.. Кого подозреваю, говоришь? Зело умен ты, воевода участковый. Сей же час всех троих на дыбу!

— Э-э-э... Ничего подобного я не говорил! — завопил я, потому как с него станется. С какой

скоростью царские палачи выбивают «добровольное признание», не снилось ни одному журналисту, пишущему о беспределе во внутренних органах.— Совсем наоборот. Если сейчас мы арестуем пару невинных, вор успокоится и заляжет на дно. А я хочу, чтобы он от неизвестности занервничал, запаниковал, начал совершать ошибки и выдал себя с поличным.

— Мудрено... На дыбе-то оно побыстрее да понадежней.

— Слушайте, у вас тут есть хоть какое-то понятие о презумпции невиновности?

— Будь по-твоему! — решился государь. — Вот тебе сроку — ровно неделя. Сыщи вора! Награжу шубой с плеча и на конную милицию отсыплю. Ну а не сыщешь, так и не взыщи: твоя спина — мой кнут.

Я молча пожал плечами. А что делать? В данной ситуации спорить не приходится... Царь на то и царь, что в любом случае прав.

— Пусть вечером ко мне в управление зайдут все трое. Повестки передать или сами явятся?

— Явятся, куда ж им деться, — многозначительно пообещал царь Горох. — А не пойдут, приведут поневоле!

Домой ехали не торопясь, в размышлении...

— Чегой-то не пойму я, батюшка, ежели, как ты сказал, замки-то не тронуты, у дверей стрельцы с оружием — как же цельный сундук с деньгами уплыл? Нет... Тут дело нечистое, без колдовства не обошлось!

— Наличие элементов колдовства еще доказать надо. Наша с тобой задача — следовать фактам. Факты — штука серьезная, бескомпромиссная, и с ними не поспоришь. А колдовство... Знал бы ты, какие суммы исчезали в наших финансовых пирамидах без всякой магии... Будем действовать по правилам. Надо выяснить, кто конкретно отвечал за подбор охраны, пусть он проверит своих людей. Завтра же еще раз обследовать весь подвал. Там этих сундуков выше крыши! Может быть, еще чего-нибудь пропало, просто в глаза не бросается. Да, сейчас отвезешь меня домой, а сам дуй на базар, бабка длинный список составила — где чего купить. А вечером пойдешь в кабак...

— Благодарствую, воевода-батюшка! — радостно осклабился парень, но я его несколько спустил с голубых небес на грешную землю:

— Ты смотри у меня! Пей, да знай меру... Если опять на бровях придешь — в поруб посажу, он себя как медвытрезвитель лихо оправдывает. Помни — не просто идешь, а по заданию.

— Вот те крест, не подведу! А тока ежели в кабаке не пить, то какого же рожна мне там делать?

— Ну а ты походи, поприглядывайся, поприслушывайся. Надо выяснить, что об царской краже в народе известно. Что люди болтают. Если вор неопытный — он деньгами сорить начнет, сообщники тоже этим отличаются, может, кто чего спьяну и сболтнет...

— Понял, батюшка. Все как есть исполню, не извольте сомневаться. А ну, пошла! Пошла, залетная!.. Эгей!

Рыжая кобыла пустилась тряской рысью. Митька явно обрадовался заданию. Филерской школы

у парня никакой, но учиться надо. Пока еще здесь удастся наладить агентурную сеть... Работаем с чем приходится.

Моя хозяйка ждала у окошка. Увидев нас, всплеснула руками и скрылась в дому. Держу пари, побежала доставать пироги из печки. Я выдал Митьке один золотой червонец (да разве нормальный человек забудет получить у думного дьяка свой кровный оклад?), еще раз наказал, чего купить, и отправил на базар. Бабка покормит его по возвращении. Именно Яга настояла на том, чтобы мы ели раздельно: я в горнице, он в сенях, где и спал. Зазорно-де воеводе сыскному со своими же холопьями за одним столом сидеть. Уважать не станут. Я махнул рукой — за те два месяца, что здесь живу, знаю — старуха плохого не посоветует!

— Ну, заходи, мила-ай... Снимай ботинки свои чудные, запыхались небось. Я вон шлепки тебе новые связала. Обед на столе, банька греется...

— Ладно, ладно, и так все расскажу. Времени в обрез, к вечеру царь в управление подозреваемых придет. С чем пироги-то?

— А с визигой, как поутру и договаривались. Ты уж садись, касатик, да ешь, вон бледный какой...

Я ополоснул руки и сел за стол. Ну, да тут и кроме пирогов всего полно. Бабка кормит меня как на убой. Люди поговаривали, будто она в столице лишь последние лет десять живет, а до этого в лесу разбойничала. Не знаю... Все возможно. Возраст я у нее не спрашивал, женщина все-таки. Внешне вполне соответствует своему имени — горбата, нос крючком, зубы острые, желтые, на ногу прихрамывает, один глаз голубой, другой фиолетовый. В сенях ступа с помелом, по терему черный

кот разгуливает... Да нормально все! Здесь все такие. В лесах лешие, в болотах кикиморы, в речках русалки, а люди живут себе... Я ведь тоже не забиваю этим голову, много думать вредно. У меня моя работа, стабильная зарплата, все льготы, какие захочу, отчего же не жить? Телевизора не хватает...

— Да, тяжелая твоя служба, — сочувственно вздохнула Яга, когда я по ходу разборки с пирогами в общих чертах разъяснил суть дела. — Чем могу — помогу, но ты уж от меня многого не жди — годы не те...

— Бабуля, ты у меня в любом возрасте просто прелесть! Вот Митяй из кабака вернется, мы это жулье быстро переловим. Руки за спину, наручники, телогреечку с номером — и, как водится, по этапу...

— Уморишь ты меня, касатик, — расчихикалась бабка. — Да ты ешь, ешь, а меня слушать и с пирогом во рту можно. Я, слышь-ко, че тебе предлагаю... Как будешь энтих троих на допрос вызывать, ты меня-то из горницы не гони. Я вон в уголке незаметно посижу, носки вязать стану, а сама слушать да примечать. Как кто врать-то начнет, я это враз угляжу! У меня на мужиковскую брехню глаз наметанный...

Я только головой покачал. Да пусть сидит, жалко, что ли? Дело, по первому взгляду, не представлялось слишком сложным. Не много народу могло войти в царское денежное хранилище. Сбежать из города с деньгами практически невозможно: прежде чем послать за мной, Горох повелел закрыть ворота. Украсть и закопать? Не вижу смысла.

Мне почему-то казалось, что вор обязательно проявит себя. А пока я намеревался вести следствие, как нас обучали в школе милиции. То есть начать с вызова и опроса лиц, имеющих доступ к ограбленному объекту.

В назначенное время у наших ворот появились все. Если бы только те, кого я ждал...

Ох, елки зеленые! Дьяка Филимона сопровождало трое стрельцов с бердышами на изготовку. Казначей Тюрю рыдал в обнимку с женой и вопящими детьми. Боярин Мышкин так вообще умудрился приволоочь за собой все подворье, жену, ребятишек, престарелых родителей, близкую и дальнюю родню, холопов, бабок, нянек — всех, от последнего служки до первого пастуха. Вой стоял — хоть уши затыкай! За всю мою практику ничего подобного не было. Они же все трое как на казнь собрались. Небось и рубахи чистые надели, и в церковь сходили, и завещание огласили, и милостыню нищим раздали... А на воротах наших уже сидел повсеместно известный юродивый Гришенька, в драной рубахе и с полупудовым крестом на шее, восторженно болтая босыми ногами:

— Вот и суд ваш, кровопийцы! Ужо покажет вам участковый... Никитка-то, он на правез ох как скор! На сажень в землю видит, за версту вора чует. Довольно вам бога гневить, пора и ответ держать!

Толпа откликалась на его митинговые лозунги новыми взрывами стонов и рыданий.

— Гришенька! Смилуйся, помолись перед Господом за нас, грешных, — голосили бабы.

Я начал несколько нервничать. Баба Яга поняла мое состояние с полувзгляда и, быстро убрав со стола, кряхтя, направилась к двери.

— Всех сразу звать али по старшинству?

— Давай по старшинству, — подумав, кивнул я.

Пусть этот противный дьяк помучается в ожидании...

Не знаю, что им там сказала Яга, но крики за окнами стихли так резко, словно всем рты позатыкало. Минуту спустя бабка впустила в горницу дорожного бородатого мужчину в дорогах одеждах и высокой бобровой шапке.

— Садитесь, гражданин.

Боярин остался стоять у входа, сверля меня суровым взглядом. Старуха незаметно отплыла в сторону и устроилась в уголке за печью с вязаньем. Я положил на стол планшетку, достал авторучку и приступил к планомерному допросу.

— Гражданин Мышкин?

— Бояре мы, — прогудел мужчина.

— Пройдите и сядьте! — повысил голос я. — Пока мы с вами просто беседуем. Не устраивает — можем продолжить в пыточной у Гороха. Я слышал, тамошние палачи — мастера своего дела.

Мышкин вздохнул, хлюпнул носом, подошел и осторожно сел на скамью напротив.

— Продолжим следствие. Ваше имя, отчество, год рождения?

— Афанасий, сын Федоров. Когда родился — не ведаю, про то у попа в книге записано, а нам знать без надобности.

— Ладно, уточним у отца Кондрата, — пометил я. — Что думаете о краже в царской казне?

— А чего ж тут думать? Мы к тому непричастны. Казна, она большая, ежели кто чего слегка и прихватил, так ведь на то и колодец, чтобы пить.

— Ну, если понемногу, то, может быть, и действительно не так заметно. Но в этом случае подобные действия трактуются как «планомерное расхищение государственной собственности». Мы же имеем дело с конкретной кражей. Три сундука с золотом...

— Чего ж это — три?! — аж подпрыгнул Мышкин. — Откуда три-то взялось? Один сундучок всего и был! Неча напраслину на людей возводить...

— А вы откуда знаете, что украден именно один и что именно сундучок, а не ларец, не мешок, не бочонок? — ласково полюбопытствовал я.

— Так ведь... это... все вон знают! Ты любого в городе спроси — он те сразу скажет. Земля-то, она слухом полнится.

— Допустим... Ну, а вот лично вы чем занимались весь вчерашний день?

— Дык... как же... упомнишь тут... — насупился боярин, запуская обе руки в бороду, словно ловя там кого-то. — Спал да ел, по хозяйству холопам дела распределял, во дворец после обеда захаживал, в баньку под вечер, ну и ужин с осетринкой, поросенок с кашей, пироги с ягодой, меду немного...

— Достаточно. А в подвалы, где казна хранится, заходили?

— Нет! Как можно! Не был я там!

— А почему, собственно, нет? Царь Горох утверждал, что вы относитесь к лицам, имеющим допуск в хранилище.

— Бываю там, верно, но редко бываю... Моя служба — стрельцов у входа ставить. Чтоб глядели в оба! А внутрь я не захожу. Что я там, денег не видел?

— Ясно. Значит, вы отвечаете за охрану объекта. Что ж... должен вас огорчить. Раз уж произошла кража, то, найдем мы вора или нет, в любом случае выговор за халатность вам обеспечен.

— Избавь от гнева царского, батюшка сыскной воевода! — неожиданно рухнул на колени перепуганный боярин. — Вовек твоей услуги не забуду. Неповинен, неповинен я! Не губи душу, отпусти на покаяние!

— Встаньте! Сейчас же встаньте, Афанасий Федорович! — вскочил я. — Люди войти могут, а вы тут на коленях ползаете. Что за манеры? Вы в милиции, а не в храме. Встаньте!

— Не губи... В доме семеро по лавкам, жена восьмым брюхатая! — продолжал изливаться Мышкин, не обращая никакого внимания на мои попытки его поднять.

Баба Яга бросила вязанье и поковыляла на помощь.

Боярин надрывался вовсю:

— И здоровье не то уже... Почитай, что ни день, то сердце ломит! Сынков-то два всего, остальные дочки. Им расти, а мне приданое готовить. А как засадит государь в острог, кто их, сиротиночек, замуж-то возьмет?! Не губи, воевода! Христом Богом молю!..

Как мы его в дверь вытолкали — ума не приложу... Японский городской! Если тут каждый будет устраивать подобную истерику, никаких нервов не хватит. А потом говорят, милиция не страдает

гражданам... Ну, вот посострадайте такому — он из вас веревки вить начнет, а воровать не перестанет. Я выглянул в окно. Боярин Мышкин, рыча, понараздавал оплеух дождавшимся слугам, с трудом взгромоздился на коня и с довольной рожей отправился домой. Толпа родственников, слава Бога и распевая песни, двинулась следом.

— Ну, что скажет наш детектор лжи?

— Врун он, батюшка, — твердо объявила Яга. — Да и трус в придачу. Ты бы проверил еще разок, чего он там наплел.

— Это я и сам мог сообразить. Есть в его болтовне пара несостыковочек... Я-то, признаться, думал, что ты, старая, мне сразу на вора укажешь.

— Так я тебе и указую — вор он! — подтвердила бабка. — Хоть мою голову на плаху клади, а таскал он золотишко из казны. Вот только он ли сундук уволок — о том не ведаю...

— Значит, будем проверять остальных. Казначей у нас за что отвечает?

— Как? А деньги принять, посчитать, разделить, кому в долг, кому на дело, какие налоги где, кто принес, сколько — все казне прибыток.

— Понял. Говоря проще — бухгалтер-экономист, — пометил я. — Ну, с распределением бюджета мы сейчас возиться не будем, это уже финансовой инспекции ближе. Мы его потрясем на предмет банальной кражи. Да, а дьяк-то наш, он что в хранилище делает?

— Пишет, — пояснила Яга, чуть удивляясь моей бестолковости. — Как же можно без дьяка-то? Боярин ли, казначей, а то и сам государь в казну зайти захочет, так дьяк с бумагой да чернилами тут и есть. Записать чего, оприходовать, опись со-

ставить, посчитать, жалованье царевым слугам выдавать, да мало ли... Вот Филимон там и трется.

— Уловил. Ну что ж, подруга дней моих суровых, давай следующего.

— Уже бегу, касатик. Сей же час поставлю перед очи твои ясные.

Хорошая у меня бабка, правда?

Тюря оказался человеком скрытным, размытым. На первый взгляд даже не разберешь, сколько ему лет. Кафтан простой, из хорошего сукна, но не новый. Сам лыс, бороденка куцая. Руки мне его не понравились — беспокойные... Пальцы, как белесые черви, так и возятся, ни на минуту не прекращая движения. Когда он вошел и без приглашения сел напротив меня, я нарочито пристально стал рассматривать его лицо, но так и не смог поймать прямого взгляда мутных серых глаз.

— Имя, фамилия, отчество?

— Тюря... и батюшка мой Тюрей был, и дед, стало быть... Казначей я здешний, не помните? А я вот вас, Никита Иванович, не впервой вижу. Вы, видимо, при дворе-то гость нечастый.

— Допустим.

— Ну, вот я и гляжу, чем же мне лицо ваше знакомо... Вы, случаем, деньги в казну на сохранение под проценты не сдавали?

— Очень интересно... — От неожиданности я даже перестал записывать. Этот тип откровенно пытался всучить мне взятку!

— Вот ведь что я говорил! — обрадовался мой собеседник, обтирая лысину засаленным рукавом.— Только вы тогда спешили очень и роспись

в книге оставить запомнили. Ну, да дело молодое, с кем не бывает... Сколь денег-то в том кошельке было?

— Не помню, — поднапрягся я, едва удерживаясь от жгучего желания кликнуть стрельцов. — Но уверен, что сдавал я не кошелек, а сундучок.

— Точно! Именно так, батюшка... Полнехонький сундучок серебра.

— Золота!

— Смилуйся, отец родной, — аж покраснел от моей наглости взяточник.

— И за три года шестьдесят процентов прибыли!

— Да побойся Бога, сыскной воевода! — подпрыгнув, взвыл казначей. — У нас в Лукошкине отродясь таких процентов не было. И служишь ты у царя не три года, а без малого два месяца. Откуль я тебе такие деньжищи-то возьму?!

— А ну сесть! И не орать на представителя власти! — рявкнул я, хлопая ладонью по столу.

Тюря вздрогнул и заткнулся.

— Все! Хватит провокационной болтовни. Отвечайте на поставленные вопросы коротко и по существу. Когда и от кого вы узнали о краже в хранилище?

— Дык... как не узнать?! Еще ночью стрельцы с постели подняли. Ну, я как есть, в исподнем да босой, — бегом в царский терем, спустился в подвалы, а дверь-то и открыта. Уж я этих охранничков и по шеям, и в рыло, а они одно — знать ничего не знаем! Я заглянул, осмотрел, где что, глядь-поглядь, а сундучка дубового с тремястами червонцами-то и не видать. Как сквозь сырую землю провалился, проклятуший...

— Ваши действия?

— Какие действия?! А... что делал-то? Ну, знакомое дело, перво-наперво двери закрыл и стражам наказал смотреть в оба! Потом уж к батюшке царю пошел с повинной. А его ведь спозаранку и не разбудишь, разгневаться может государь... Пошлет спросонья на плаху, а уж потом, к обеду, одумается. Вот он когда встал, умылся, так я пред его ясные очи и доложился. И то рисковал, надо бы опосля чаю...

— Понял, записал. Кого подозреваете?

— Ты помяни мое слово, участковый, — без нечистой силы не обошлось! — заговорщицким шепотом поведал казначей.

— И что вы этим хотите сказать?

— Закрыл бы ты это дело... Гиблое оно. Раз уж тут нечистым духом пахнет, то человеку вовек не распутаться. Только людей зазря потревожишь да голову буйную под топор сунешь. А ежели на бесов свалить, то государь в обиде не будет, сам понимаешь...

— Понимаю, даже слишком хорошо понимаю... На сегодня вы свободны, гражданин.

— Могу идти?

— Можете. Но на будущее попрошу запомнить — я мзду не беру, мне за державу обидно, — очень кстати ввернул я крылатую фразу из популярного кинофильма.

Тюря встал, поклонился и рванул к выходу так резво, что едва не вписался в косяк.

— Дверь левее...

— Спасибо, батюшка воевода!

— И этот вор, — четко определила бабка, когда казначей вышел вон.

ЗАГОВОР ЧЕРНОЙ МЕССЫ

роман

Все началось с того, что в то утро меня опять разбудил петух. В нем вся проблема... Именно из-за этой скотины с гребешком и перьями я регулярно катастрофически не высыпаюсь! Естественно, утро испорчено и настроение на весь день — хуже некуда! Если Яга не внемлет моим стонам и молитвам, я сам его задушю. Или застрелю из стрелецкой пищали (правда, для этого мерзавца надо привязать перед самым дулом, иначе я из этой базуки ни в жисть не попаду). Может, Митьку попросить, он на него медвежий капкан поставит? Нет, нет, нет... О чем это я? Да наш Митяй первым же в этот капкан и угодит. Пусть уж лучше он его так ловит. Представив себе двухметрового парня с квадратными плечами, гонящего кур по двору Бабы Яги, я невольно улыбнулся.

Прошу прощения, что не представился сразу. Ивашов Никита Иванович, младший лейтенант милиции, холост, в политических партиях не состоял, родился и вырос в городе Москве. В настоящее время являюсь главой первого лукошкинского отделения милиции. Лукошкино — это

столица нашего царства. Правит здесь царь Горох, очень неглупый мужчина, будет время — расскажу о нем подробнее. Отделение наше расположено в двухэтажном тереме Бабы Яги, где я одновременно и квартирую. Эта милая старушка с горбатым носом и кривыми зубами входит в штат оперативно-следственной бригады, в плане сбора информации — совершенно незаменимый работник. Да еще и приколдовывает иногда. Я раньше сам в это не верил, пока лично не убедился. Ничего, привык... Еще у нас служит Митяй, тот самый герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого. Он сам деревенский, образования никакого, вот и носится на подхвате. Однако все трое мы составляем неплохую рабочую бригаду, заставляя считаться с нами весь криминальный мир родного Лукошкина. Хотя, честно говоря, уголовников здесь маловато. Народец местный к профилактике преступлений относится очень серьезно, как поймают карманника на базаре, так всем миром отметелят, что бедолаге только у нас в отделении и спасение. Еще стрельцы, конечно, очень помогают. Царь выделил специальную сотню для патрулирования города. Ходят по трое, а старший, бородач Еремеев, каждое утро докладывает лично мне криминалистическую обстановку. Как видите, работа наша, милицейская, в любом времени в любом государстве всегда востребованная. А этот сволочной петух... На самом-то деле проблема, конечно, не в петухе, а в том, что я просто хотел отдохнуть. Правда, из этого все равно ничего бы не вышло, но факт самого хотения...

Итак, сначала петух, потом Баба Яга доделывает его «черное дело», ласково уговаривая меня встать и спуститься к завтраку. Потом оказывается, что к обеду меня ждет царь-государь, а за столом будет присутствовать полсотни девиц-красавиц сплошь боярского рода и, как одна, на выданье. У Гороха своеобразное мнение о том, как и чем надо награждать за верную службу. Наградить, конечно, стоило... Прямо скажу, мы тогда провернули не-слабое дельце с шамаханским заговором. Но награждать женитьбой?! Это уж какое-то чрезмерное древнерусское самодурство. Нет, я вовсе не противник брака, не убежденный холостяк или чего хуже... нет! Только жену я хочу выбрать себе сам. И вовсе не обязательно боярышню. По-моему, женская красота, ум и порядочность от сословий не зависят...

Так вот, в пиковый момент в терем залетает Митяй и на всю горницу орет, дескать, купцы пришли, дело у них. Я даже чуть не всплакнул от счастья — служба превыше всего! Значит, на смотрины к Гороху не идем, тирьям-пам-пам!

— Так что, воевода-батюшка, звать? — раздался из сеней Митькин бас.

— Зови, я же сказал.

Баба Яга сидела в уголочке у печи, проворные спицы так и мелькали в умелых пальцах. Старушка обещала связать мне шерстяные носки на зиму, ну а заодно заменяла в отделении так называемый «детектор лжи». Минутой позже представительная делегация вошла в горницу. Гости перекрестились на образа и поклонились сначала бабке, потом мне.

— По делу мы, Никита Иваныч.

Я указал на скамью. Все трое сели. Двоих я знал. Самый высокий и дородный, с окладистой рыжей бородой, был потомственный купец Аксенов Федор Борисович. Три собственные лавки, харчевня и постоялый двор; его дела, возможно, и папахивали «черным налом», но пока не шли в явный конфликт с законом. Вторым был его партнер по торговле персидскими тканями Кирокосянц Арон Давидович. Выходец из далекой Армении, он уже лет десять безвылазно жил в Лукошкине. Перевез семью, открыл свой гостинный двор, склад, а в случае шамаханских налетов даже отправлял двоих сыновей в царское ополчение. Третьего я никогда не видел раньше, но мог догадываться... Черная шляпа с полями, длинная черная одежда, завитые пейсы на висках и острохарактерный нос.

— Я вас слушаю, граждане купцы.

— Ну, говорить, видать, мне придется, как старшому, — весомо решил Федор Борисович. — Так вот оно и получается — воруют у нас!

— У нас везде воруют — страна такая, — криво улыбнулся я. — Поподробнее давайте: что пропало, когда и где?

— А... это вот уж пусть товарищ мой доложит, весь учет через его руки идет.

— Ну что я тэбэ скажу, участковый? — даже привстал Кирокосянц. — Клянусь мамой, сколько живу — такого нэ видэл! Вэришь, нэт?!

— Верю. Конкретней, пожалуйста.

— Вай, зачэм торопишь? Такоэ дэло бэз суэты разбираться надо. Все черноэ воруют.

— Как это все черное? — не понял я.

Баба Яга в уголке тоже сделала удивленные глаза.

— Сам нэ знаю, — пожал плечами армянин. — Ткани пэрсидскиэ взем, в лавках храним, все на мэстэ, черных — нэт! Бархат черный испанский — нэт, кожа черная африканская — тожэ нэт.

— Господи, вы что ж там, негров свежуете, что ли? — вырвалось у меня.

— Зачэм нэгров? Пантэра, лэв черный, змэи разные... Все на своем мэстэ лэжит, черный — нэт.

— Бред какой-то. Ладно, записал. Гражданин, вы что-то имеете добавить?

— Таки имею... Представиться позволите? Шмулинсон Абрам Моисеевич. Прибыл на днях в ваш трогательно милый город, имею честные намерения открыть меняльную контору с услугами опытного портного-гробовщика. Ви улавливаете суть? Вот ви человек молодой, благослови Господь, решаете жениться или, не приведи Боже, помереть...

— Ближе к делу, — напомнил я.

— Ах, дело. Всегда дела, бедный еврей вечно должен работать, потому как дома больная жена и шестеро ребятишек, а всем хочется кушать. Горе в том, шо я вложил весь свой капитал в черную материю, которая, как ви уже поняли, мне нужна до зарезу. Нет, я могу оббить гроб и веселым ситчиком в цветочек. По мне, так пусть покойник радуется, но поймут ли это родственники безвременно усопшего?

— Все ясно. Как я понял, вы, гражданин Аксенов, требуемый материал завезли?

— На том и стоим. Раз есть покупатель, мы ему товар завсегда лицом предоставим.

— А вы, гражданин Кировосьянец, получили материю на склад и взяли деньги с Абрама Моисеевича?

— Ну, взял. Пачэму нэ взять? Мы дэла честно вэдем. Он дэньги вечером принес, утром на склад пошли — там нэт ничего!

— И дело-то не в деньгах, — снова вмешался старший купец, — деньги мы хоть сейчас вернем. А только непорядок это! Вора сыскать надобно всенепременно.

— Сыщем. — Я захлопнул планшетку. — На первый взгляд ничего особенного. Можете идти, граждане, мы займемся вашими кражами.

Все трое встали, поклонились и вышли. Баба Яга пересела ко мне за стол, задумчиво зевнула и грустно доложила:

— Все честь по чести, Никитушка. Преступника посредь них нет.

— Вы хотите сказать, вора?

— Ну, воруют-то все трое, в ихнем деле без воровства никак нельзя, в торговле воровать сызмальства учат, а не то прогоришь. Я тебе о чем толкую-то: все они правду говорят, и ни один об жулье энтот странном ничего не утаил.

— Я думаю, нужна хорошая ревизия на армянский склад. Наверняка там много чего неучтенного или «пропащего», а черной ткани хватились лишь из-за того, что за ней пришел покупатель, к тому же оплативший все услуги вперед.

— А зачем? — хмыкнула Яга.

— Хороший вопрос, — согласился я. — Действительно, зачем? Мог прийти утром, товар — деньги. Не вполне понятно...

— Что делать-то думаешь, Никитушка?

— Начну с базара. Надо обойти все лавки и поинтересоваться, но ненавязчиво, не пропадала ли где еще черная мануфактура.

— А еще кожу энту, негритянскую, не забудь.
— Африканскую. Не забуду. Эй, Митька, давай сюда, есть срочная работа. Значит, так...

Один из серьезных минусов нашего парня — это творческий склад ума. То есть ума как такового у него почти и нет, а та скромная масса, что есть, навеки отравлена вирусом созидания. Он любит творить! Дайте этой орысине любое задание — он его выполнит... Но так выполнит, что вы потом за голову схватитесь. После его походов на базар в качестве «народного контроля» за обвесом, недомером, нетоварным видом и т.д. отделение захлестнула волна жалоб от разобиженных торговцев. Проверяет степень пропеченности хлеба — сожрет полкаравая, уточняет наличие спирта в медовухе — вылакает весь жбан, если не отберут. А уж его извечная борьба за качество кислой капусты...

— В общем, слушай, — сурово начал я, — задание твое будет трудным, секретным и опасным.

— Батюшка сыскной воевода, да я... вы ж меня знаете... Живота не пожалею!

— Знаю, слишком хорошо знаю. Поэтому и настаиваю на четком и оперативном выполнении приказа. Никакой самодеятельности!

— Обижаешь, батюшка...

— Выдвигаешься в район базара. Ходишь по рядам, но ничего не трогаешь. Понял? Узнаю, что опять у старушек семечки клянчил, якобы «на нужды отделения», — накажу! А задача твоя — всех обойти, по всем лавкам побегать и выяснить где, когда, по какой цене можно приобрести следующие

товары: первое — ткань черная (шелк, ситец, бархат); второе — кожа черная (сафьян, хром, кирза).

— Осознал, — серьезно кивнул он. — А ежели я...

— Нет, покупать ничего не надо, спросишь и уходи. Бумагу, карандаш и сумку получишь у Яги, непосредственно перед выходом на задание.

— Уловил. Вот только...

— Нет, образцов не воруй, мне их сюда тащить незачем. Еще вопросы?

— Дык... ясно, не лыком шиты. Значитца, коли я...

— Митька, только попробуй! Подозрительным продавцам руки за спину не крутить и в отделение ко мне через весь город не волочь... Во всем прочем — действуй по обстановке. Главное, не привлекай особенного внимания.

Митяй тяжело вздохнул, развел руками, попытался козырнуть, притоптывая лаптями, и повернулся к Яге. Та достала большую холщовую сумку, сунула в нее лист бумаги и новенький карандаш, после чего от щедрой женской души бросила туда же два яблока и повесила парню на шею.

— Ты уж смотри там. Задание у тебя больно серьезное, не подведи нас с участковым.

— Не робей, бабуля, справимся! Но ежели что... уж ты мамане моей на деревню-то сообщи. Так, мол, и так... смертью храбрых... на боевом посту... Можно, я напоследок бублик с собою возьму? Все не так страшно пропадать во цвете лет...

— Бери, бери, родимый, — всхлипнула бабка, но уже через секунду поняла, что, собственно, происходит. — Ах ты, вымогатель паршивый! Телок

беспардонный! А ну, марш на работу и чтоб духу твоего здесь не было!

Митяй вовремя шмыгнул за дверь, и Яга поставила ухват на место.

— Совсем заболтал старую... А что, Никитушка, мы-то с тобой чем займемся?

— Рутиной, — вздохнул я, выглядывая в окно. — Вон Еремеев пожаловал, надо доклад принять. Сделайте нам чайку, пожалуйста.

Старший стрелец, Фома Еремеев, был немного моложе меня, но для солидности холил короткую бороду, а в начальники выбился благодаря личной храбрости и уму. Парнишка был поповского рода, но не пошел по родительским стопам, а сделал ставку на армейскую карьеру. По службе мы сдружились, и я всегда угощал его чаем.

— Что нового в городе?

— Жизнь течет, — философски отвечивал стрелец.

— А не было ли за последнее время каких-то подозрительных лиц?

— Народу много шастает, на то мы и столица. Тока если ребята начнут всех подозрительных хватать — у нас тюрем не достанет.

— Логично... — признал я.

— Али случилось чего? — Фома отодвинул чашку.

— И да и нет... Купцы пожаловались, будто у них черная ткань пропала, вот я и спросил. Так, на всякий случай...

— Да уж... ежели бы конь пропал, золото какое, а то тряпки. Обыскивать всех, что ли?

— Нет, конечно. Просто, если где всплывет рулон-другой, дай мне знать. Договорились?

— По рукам, участковый!

Вот с такими людьми и работать приятно. Однако на самом деле больше заняться было абсолютно нечем. При отсутствии какой-либо информации строить версии на пустом месте просто глупо. Похоже, Ягу съедала та же скука, мы на пару уселись за стол, и только тогда бабка дала выход своим сомнениям:

— Думала я, думала и вот что тебе, сокол ясный, скажу: ничего я не поняла! Зачем вору надо было ткань красть? Добро бы одну штуку, а то ведь все подчистую со склада умели. Чего с ней делать? Продать? А кому столько тряпок да кожи надо? Да ведь еще все сплошь черное...

— Это меня и смущает, — признался я. Абсолютная бессмысленность кражи. — Черный цвет у вас не в моде. Вот гробовщик захотел купить, так заказывать пришлось, в лавках не было. Почему вор не взял цветные ткани? Там, наверно, были и ярче, и дороже. Какой смысл в похищении именно черных?

— Вот и я о том же... И знаешь, беспокоит меня это, Никитушка. Прав ты был, надо завтра же на склад армянский идти, там ответ искать. Не нравится мне это дело. Помяни мое слово, добром оно не кончится.

— Ладно... На первый взгляд — ничего особенного, не будем нагнетать обстановку. Однако Митька задерживается... В Лукошкине не больше тридцати мануфактурных лавок, супермаркетов и универсамов в помине нет, где ж его черти носят?

Как бы в ответ на мой вопрос в ворота забарабили. Яга пошла разбираться, а я бессмысленно мерил комнату шагами — черный цвет никак не хотел меня отпускать. Казалось, что я упустил

что-то безумно важное, и, если бы только понять, почему именно черный, все стало бы легко и просто.

— Никитушка, тут к тебе...

В горницу вошли четверо купцов, судя по костюмам и лицам — все выходцы из Средней Азии. Самое трогательное, что трое держали в горизонтальном положении свернутый персидский ковер, с одной стороны которого почему-то торчали лапти сорок пятого размера.

— Да хранит Аллах тебя и твое управление, уважаемый участковый, — вежливо поклонились все, но говорил один, маленький, худой, в полосатом жилете и тюбетейке. — Мы люди не местные, приезжие, всех законов не знаем, но уважать очень стараемся. Вот шпиона поймали — тебе принесли. Благодарить не надо, подарков не надо — мы милицию очень любим.

Трое азиатов раскатали ковер, из которого вывалился... Митька! Собственно, кого еще я ждал?

— Шпион?

— Совсем шпион, гражданин начальник. Вокруг моего каравана целый час ходил, тюки смотрел. Я за ним Абдуллу послал, Абдулла говорит — шпион везде ходит, все смотрит, по-человечески не понимает, на бумажку пишет. Сам посмотри!

Я взял измятый лист, обильно исчерканный Митькиными каракулями, чертыхнулся про себя, а купец воодушевленно продолжил:

— Как одет! Разве честный гражданин так ходит? Шпион и есть! Мы его вежливо, как человека, спрашиваем: ты шпион? Молчит. А борода фальшивая! Вот, тебе принесли, начальник. Всего его забирай, нам даром не надо...

— Большое спасибо! — решился я, вставая из-за стола и пожимая всем четверым руки.

Улыбаясь и лопоча, купцы удалились. Настало время разборок...

— Бабуля, там у нас стрельцы не проходили? Надо сдать задержанного в тюрьму.

— Чего? — не понял Митька, сидящий на полу и завязывающий лапоть.

— Как скажешь, Никитушка, — подмигнула мне Яга. — Ах ты ж, напасти какие... Шпионы расплозились, как тараканы поганые! Всенепременно надо в тюрьму, там уж с него спросят...

— Да вы что?! Баба Яга! Никита Иванович! Вы что ж, не признали? Это ж я — Митька!

— Кто? — сощурился я. — Вы, гражданин, здесь горбатого не лепите, у нас с военными разведчиками разговор короткий — за уши и к стенке!

— А еще честным именем сотруди́ника милиции прикрывается, — возмущенно поддержала Яга, — Митька, говорит, я! Да ты нашего Митеньку в глаза-то видел? Он парень молодой, ни усов, ни бороды не носит, ликом светел и одет по-русски. А теперь на себя посмотри, нехристь басурманская!

Бедолага встал и торопливо ощупал себя со всех сторон. Потом до него дошло... Он сорвал с головы пестрый тюрбан, почему-то украшенный турьими рогами, сбросил с плеч большой мешок из-под муки с прорезями для рук и головы, снял непонятный платок, обернувший его бедра, как клетчатая шотландская юбка, стер подолом рубахи слой дегтя с лица и окончательно отлепил полуоторванную бороду из лисьего меха.

— Вот он я!

Под нашими тяжелыми взглядами Митька неуверенно потоптался и пустился в торопливые объяснения, не дожидаясь законных вопросов:

— А че я? Че сразу я? Вы ж сами сказали — «не привлекая внимания». Так мою рожу каждая собака в Лукошкине знает. Козе понятно, что, раз человек из милиции интересуется, значит, дело уголовное. Рази ж тут кто правду скажет? Ну вот, переоделся. Сам от купцов заезжих слышал, будто страны есть, где люди черны, аки бесы! Ну, я и... легтем лицо и руки... слегка того... Костюмец подобрал, опять же, чтоб не узнали. Да ежели б энти узкоглазые меня палкой по затылку не шарахнули, я б их сам всех в один ковер зачихал и узлом завязал на память!

— Митька, — еле выдохнул я, почти умирая от хохота, — а рога бычьи какого лешего к тюрбану присобачил? Негры, они, конечно, черные, как бесы, но безрогие, честное слово...

— Правда? — искренне огорчился он. — А я уж думал еще и хвост сзади привесить... Не рискнул, мальчишки б засмеяли.

— Ладно, — отдышались мы с Ягой. — Судя по всему, внимания к операции ты не привлек. Теперь покажи, Христа ради, чего ты тут накалякал?

— Где? Дык... писал я тут. Не видно разве? Даже обидно как-то... Вот ведь нормальными буквами, разборчиво: «ничавонетутиисшоулафкахтоженету».

— Бабуля, это кто ж его, молодца, так грамоте обучил?

— Знамо кто — Филимон, дьяк думского приказа. После дела царского они, почитай, неделю безвылазно в его домишке сидели. Ты ж сам при-

казал, чтоб он премудрость эту книжную, как там... форсировал! Вот он и подошел со всем старанием...

— Ясненько... Ну что ж, шпион африканский из дружественной Нигерии, марш в баню! Как отмоешься, иди спать, устный доклад отложим на завтра.

К себе наверх я поднимался с тяжелым сердцем. Можно ругать Митьку за все грехи, но одно ясно без проверок: если он ничего не нашел, то в городских лавках черного материала нет! Толкнув дверь, я шагнул в свою комнату, и... кто-то сзади набросил мне что-то на голову и стал душить. Нападающий явно превосходил меня силой и весом, так что перебросить его через себя мне не удалось. Уже тускнеющим сознанием я сообразил прекратить бессмысленную борьбу с зажавшими мое горло лапами и, опустив левую руку, резко ударил противника в пах. Я попал туда, куда надо... Нападавший охнул и ослабил хват. Я вывернулся, кое-как сорвал с головы кусок мокрого шелка и, едва не падая, повис на двери. В слабом лунном свете была видна массивная мужская фигура, скрючившаяся в углу. Внезапно человек поднялся, блеснула узкая полоска стали, но он напрасно решил, что все будет так просто. Оттолкнувшись левой ногой от порога, я повис на руках, и, используя силу движения двери, ударил врага пяткой в грудь. Мужчину снесло к окну, через которое он и вылетел с торжественным звоном!

— Никитушка! Что с тобой, касатик?! — Ко мне бежала перепуганная бабка с ухватом наперевес.

— Все... нормально... — слова давались с трудом, видимо, негодяй все-таки сильно пережал мне горло.

Яга все поняла без слов, быстро осмотрела спальню, ткнула ухватом под кровать и высунулась в окно.

— Убег... — с сожалением доложила она. — Что ж это такое делается? Из-за каких-то тряпок на самого участкового злоумышленничать надумали... Не дело это. С утра потребу, чтоб наряд стрелецкий цельные сутки, в две смены, терем наш от злодеев охранял!

— Терем им не нужен. Им нужен я... почему?

— Нет уж, милочка! — строго заявила Яга. — В прошлый раз, чтоб до тебя добраться, шамахань дом мой жгли, красного петуха пускали. А в этот раз чего удумают? Ну как порохом взорвут?!

— Уф... прямо какие-то арабские террористы... Что это?

— Где?

— Да вот. — Я поднял с пола кусок черной материи. — Шелк. Он набросил мне это на голову. Между прочим, цвет тот самый, как в ориентировках по поиску похищенного товара.

— Ну и что с того?

— Не знаю. Пока не знаю. А Митька где?

— В бане, где ему быть, — пожала плечами разгоряченная старушка. — Дак... и вправду, чей-то долго его нет... Не случилось чего?

Мы поспешили вниз. Баня находилась во дворе, рядом с порубом. Судя по луже воды и следам сапог, здесь тоже не обошлось без покушения. Боже ты мой, если они ему хоть что-то сделали! Я рванул дверь баньки. Показалось густейшее облако пара, и грозный Митькин голос визгливо проорал:

— Не подходи! Живым не дамся!

В то же мгновение на нас с Ягой выплеснулся целый жбан кипятка! Как мы умудрились отпрыг-

нуть в стороны — ума не приложу. Мне, человеку молодому и тренированному, это далось с трудом, что уж говорить о бабкином прыжке с кувырком-переворотом...

— Митька, дубина! Не дури! Это я, слышишь.

— Ба... воевода-батюшка? — недоверчиво спросил он, и из облака пара вышел красный, как вареный рак, наш вымытый сослуживец. Он прикрывался деревянной бадейкой и выглядел несколько напуганным.

— Что случилось?

— Так и я о том же спросить хотел. Случилось чего?

— Давай первый рассказывай.

— Че ж тут скажешь? Моюсь, согласно вашим начальственным указаниям. Вроде кто-то в дверь — шашть! Я смотрю — мужик, весь в черном, глаза злые, а в руке ножик. Так, думаю, не колбасу он сюда резать пришел. А зачем? Ну, спрашивать не стал, просто дал ему, вон, шайкой по зубам — он за двери и выпал. Я — к котлу с кипятком, полную бадью зачерпнул, жду... тут дверь опять открывается. Ну и все... я как... а это вы... Предупреждать же надо!

— Вот мы и бежали, чтоб тебя, дурака предупредить, — заворчала Баба Яга, она уже дважды поднималась из горячей лужи и дважды поскальзывалась вновь. На третьей попытке она плюхнулась и разразилась полновесной бранью, так и сидя в грязи: — Что ж ты, охальник, на пожилых людей кипятком-то плещешь? Мало тебя не пырнули, мало Никиту Иваныча не придушили — так то хоть враги! А на меня что ж, свои же сотрудники покушения устраивают?!

Мы кинулись спасать рассерженную старушку. Митька, отбросив шайку, шагнул шире, чем я, и легко поднял Бабу Ягу. Но, узрев перед собой голого мужчину, моя домохозяйка аж побурела и возопила как резаная:

— Пусти, бесстыдник!!! Хоть бы срам ладошками прикрыл!.. Да я из тебя!..

Договорить бабке не удалось, Митька послушно разжал руки, и Яга вновь грохнулась в лужу! Грязь так и брызнула взрывом во все стороны. Теперь уже мы все трое были «чистыми», как чушки.

— Ирод... — тихо и со значением произнесла бабка.

Я деликатно поставил ее на ноги. Митяй не нашел ничего умнее, как поклониться нам до земли и, сверкая голыми ягодицами, упрыгать назад в баньку.

— Иди и ты с ним, касатик. Чистое белье я принесу. С тер... как это? террористами твоими завтра разберемся, есть у меня одна задумка. Утро вечера мудренее...

До завтрака Яга хранила таинственное молчание. После чая она села напротив меня и сама начала серьезный разговор:

— Вот что, Никита Иванович, ты у нас начальник, тебе и решать. А только я, старая, одно предложение имею. Хочу на операцию пойти.

— Что-нибудь серьезное? — встревожился я. — В вашем возрасте ложиться на стол к хирургу — дело рискованное. Кто оперировать-то будет?

— Оперировать? — не сразу уловила бабка. — Ну, я ж говорю, ты начальник, ты и оперируй!

— Я?!

Похоже, мы действительно не понимали друг друга. Выдержав долгую паузу и сложив в уме два и два, я понял... Поэтому постарался сделать серьезное лицо:

— Итак, каков же план вашей операции?

— Хочу я тех варнаков найти, что на вас с Митькой вчера злоумышленничали.

— Мысль дельная. А как? Кота по следу пустим?

— Нет. Вот смотри, я стеклушки под окном подобрала. Видишь, вот на этом и этом кровь запеклась. Видать, порезался, вражина... А вот и зуб коренной! У самой баньки, в грязи валялся. Напарник-то твой хвастал, будто бадейкой злодею по мордам угодил? Так и есть, вот она, улика-то, зуб выбитый. По ним и найдем.

— М-м... весьма проблематично... В Лукошкине народу завались, если стрелцы начнут хватать всех беззубых или с порезом на пальце, то у нас поруба не хватит. Да и как идентифицировать группу крови на стекле с группой крови подозреваемого? Здесь нужна профессиональная медицинская экспертиза.

— Запутал ты меня... — поморщилась Яга. — Замудрил совсем словами своими учеными. Об эк...пертизе (прости ее, Господи) вашей я отродясь не слыхивала, а вот на крови человеческой завсегда поворожить можно. Прикрой-ка дверь да Митьке скажи, чтоб не пускал никого, — я колдовать буду.

На самом деле в этом нет ничего особенно интересного, Яга колдует по старинке. Технических приспособлений — минимум, химикатов никаких, но разных ингредиентов, типа сушеных ящериц, лягушачьей икры, куриного помета и прочей дурно пахнущей прелести, — в избытке. Все по баночкам, по горшочкам, по коробочкам, на специальных

полочках, чтоб с кулинарными специями не перепутать. А то еще всыплешь ненароком в суп вместо перца толченые мышьиные мозги...

— Кровь, кровь! Руда, руда! На три стороны свет, на четвертую ночь. Из сырой земли точит, точит вода — одолеть ее никому невмочь. Как на крестный ход не звонит звонарь, не разбить ветрам — камень Алатырь... Во степи гора, а на ней алтарь, как на алтаре том лежит Псалтирь. От ее страниц свет по времени, а сама от старости зелена... О хозяине, роду-племени, говори, руда-то, что велено!

За точность текста я ручаюсь, а вот что конкретно и в каком количестве Баба Яга сыпала в это время в глиняную миску, чем заливала, сколько раз плюнула... уже не запомнил. Главное, что после стиха она сунула в это месиво осколок стекла с размазанной капелькой крови, и над мисочкой заиграло розоватое сияние.

— Отвечай мне, кровь человеческая, — чьего ты роду-племени.

— Охранники мы, — тонким голоском пискнула склянка. — Служим у немецкого посла с самого своего рождения, поэтому роду-племени не ведаем.

— А кто твой хозяин, как имя его?

— Посла немецкого? — уточнила кровь.

— Ты мне из себя дуру-то не строй! — прикрикнула Яга. — На фига мне твой посол сдался?! Ты прямо говори — из чьего тела будешь?

— Так и говорю прямо — охранник Ганс Гогенцоллерн.

— Кто?! — обомлел я, не в силах сдержать удивления. — Это не тот Гогенцоллерн, что является высококняжеским родом Германии? Автомобиль-

ный магнат, подмявший под себя половину промышленности, блестящий аристократ, еще со времен саги о Нибелунгах, и постоянный претендент на императорский престол?..

— Нет, — хорошенько подумав, решила кровь, — я бы знала. Видимо, однофамилец.

— А зачем же твой хозяин нашего участкового душисть удумал?

— Понятия не имею. Я за него не в ответе. Еще вопросы будут?

— Еще че спросить? — просемафорила Яга.

— Какой она группы? — брякнул я первое, что пришло в голову.

В криминалистике очень важно знать правильный состав крови подозреваемого...

— Какой ты группы? — певуче повторила бабка.

— Да вы че?.. — ошарашенно пропищала капля. — Ну и вопросики, однако... Я что ж, по-вашему, сама себе медицинский анализ делала?!

— Тогда... претензий не имеем, — переглянулись мы.

— Честь имею откланяться. — Розовое сияние исчезло.

— Записать-то успел?

— Естественно... — Я на минуту оторвался от планшетки: — Зуб тоже будем допрашивать?

— А то...

Баба Яга взяла другую миску и повторила ту же процедуру, на этот раз заменяя слова «кровь» и «руда» на «кость» и «зуб». При минимальных исправлениях ритмика стиха не изменилась и определенная напевность была сохранена. Как видите, я тоже стал немного разбираться в колдовстве...

С выбитым зубом провели схожую беседу, он отвечал так же охотно, хотя почему-то шепелявил:

— Хозяин мой охранником шлужил у пошла немецкого, а шовут его Шора Жуков.

— Жора Жуков? — Я опять не поверил своим ушам. — Бабуль, а он не издевается над нами?!

— Не посмеет... — отмахнулась Яга. — А что такого, имя как имя...

— Да как сказать... Слушай, а у вашего посла, что вся охрана состоит из таких знаменитостей?

— Не жнаю... Мажепу помню, Бурбонов двое, Романов ешт, Ротшильд, ну и Ху Ши Мин вроде — вам то жачем?

— А вот это не твово ума дело! — обрезала бабка.— Тут мы вопросы задаем. Пиши, Никитушка, все фамилии ихние пиши, потом разберемся.

— Э-э... мужик! — заволновался зуб. — Ты там не укаживай... А то шкажут, будто я опять вшех жаложил...

— Так, значит, были прецеденты? — сощурился я.

— Ничего не жнаю! Я жа хозяина не ответчик...

Когда с допросом было покончено, мы попытались суммировать полученные сведения.

— Итак, удалось выяснить, что двое охранников из штата германского посла (а именно Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков) совершили акт разбойного нападения на сотрудников уголовного отдела центрального отделения милиции города Лукошкино. Вопросы... Зачем они это сделали? Знал ли об их действиях посол и какова его роль в этом деле? Можно ли из-за куска черного шелка, брошенного преступником, вывести версию о наличии

некой связи данного покушения с делом о краже черной ткани?

— Че тут думать-то? Действовать надо! — решительно хлопнула кулачком по столу Баба Яга. — Берем стрельцов и айда в немецком посольстве шерудить. Пусть узнает немчура проклятая, как на нашу милицию рот разевать!

— Не выйдет... — призадумался я. — Посол — лицо неприкосновенное, и двор посольский обладает дипломатической неприкосновенностью. Без ордера на территорию суверенного государства вторгаться не будем, отсюда и до международного конфликта недалеко... Митьку с записочкой к царю отправлю, пусть там оформят все документы, мы после обеда заедем, заберем. А уж вечером, во всеоружии, вежливо заглянем к нашим немецким друзьям.

— Уж больно мудрено, — поморщилась Яга, вставая из-за стола и натягивая душегрейку. — По мне — так пошли бы прямичком и спросили без всяких там... Ну да ладно, ты молодой, тебе видней. Сейчас-то куда идем?

— Все по плану. — Я тоже встал, накинул китель и взялся за фуражку. — А по плану у нас визит на мануфактурный склад гражданина Кирокосьянца А. Д. Ну так что, пошли?

Митька с запиской дунул к Гороху. Его при царском тереме все знали и на аудиенции к царю в прихожих не томили. Я встретил у ворот стрелецкого старшину Еремеева, рассказал о ночном происшествии, наказав поставить у терема охрану и прислать трех стрельцов за нами на армянское

подворье. Мы с Ягой неторопливо отправились пешком. В Лукошкине нас узнавали и приветствовали снятием шапок, для простого люда мой мундир был вполне начальственным, хотя и не таким богатым, как, например, у тех же стрельцов.

— Никитушка, а что мы, собственно, у Арона искать-то будем? Ежели недостачу, так он ее, поди, в книгах учетных надежно схоронил. Ежели ткань черную, недосмотренную, так ему всех приказчиков в шею гнать надо. Ежели еще какую преступную деятельность, то... чего нам, делать нечего?

— Мы идем знакомиться, — подумав, решил я. — Это официальная версия. На самом деле меня напрягает не сам факт кражи, а непонятная система исчезновения товара. Вы понимаете, они ведь не первый день замужем, знают, как торговать, как лавку запирать, как собак с цепи спускать и сторожа на ночь ставить. Причем у армян талант к торговле просто врожденный. Я не понимаю, как у них могли украсть!

— Ежели жулики наши, местные, то и у армян украдут! — убежденно парировала Яга. — Русский человек во всем, что удали касасемо, верх возьмет. Ты б лучше подумал, с чего это на тебя убивца подослали?

— Вопрос, конечно, интересный... А самое главное, ответить на него нечем. Мы же еще ничего не узнали, не развели, не выяснили... и нате вам!

— Никитушка, а может, тебя того... ну, захотели на тот свет отправить только потому, что ты, голубь сизокрылый, вообще за это дело взялся?

Этим она меня срезала. Милицionеров убивают... иногда. Как и полицейских или любых других представителей внутренней власти. К такому пе-

чальному финалу нас загодя подготавливало начальство, да и мы сами отлично знали, на что шли. Однако покушаться на участкового еще до того, как он хоть что-то узнал, — это уже беспредел! Дайте бедному милиционеру хотя бы понять, за что именно!

Армянское подворье почти ничем не отличалось от большинства стоящих в Лукошкине зданий, разве что ворота украшала какая-то национальная резьба. Нас встретили вежливо, сразу позвали хозяина, пригласили в дом. Арон Давидович буквально лучился от счастья, называя нас самыми дорогими и самыми любимыми гостями! На мой взгляд — перебор в эмоциях налицо. Как правило, это верный признак нечистой совести...

— А тэперь — за стол! Вэсь дом ужэ сидит, вэсь вино налили, вас ждут. Идем, дорогиз!

— Нет. Мы к вам строго по делу...

Пока мы препирались с хозяином, бабка быстро шмыгнула в горницу, вернулась и шепотом доложила на ухо:

— Никитушка, там и впрямь вся дворня сидит, стол от закусок ломится, вина полны кувшины. Если на минуточку сядем, аккурат к концу недели и уйдем...

— Гражданин Кирокосьянц, проводите, пожалуйста, нас на склад.

— Какой склад? Какая служба? Слушай, такие гости...

— На склад, где пропала черная ткань, проводите.

— Ой, куда спэшить? Что он, убэжит, да?! У мэня эсть такоэ вино...

— На склад нас проводи, чурка бестолковая! — отодвинув меня, грозно рявкнула Баба Яга. — А

сам марш за свой стол и пей там, пока не окосеешь! Никитушка, вклепай ему пятнадцать суток за противодействие работникам милиции.

Гостеприимный армянин мгновенно развернулся и, как сомнамбула, отправился во двор. Мы — за ним. Открыв два висячих замка на большом сарае, он вновь развернулся и, также не говоря ни слова, ушел в дом.

— Это, как я понимаю, склад?

— Он и есть.

Все помещение было доверху набито товаром: ткани, шерсть, тюки с ватой, отдельно — связки кож и меха. Пока Яга находилась внутри, я внимательнейшим образом осмотрел помещение снаружи — никаких следов подкопа, взлома, тайного лаза — ничего. Как я понял, и у Яги негусто.

— Вот тут она лежала, ниточки черные к стене прилипли. А насчет способа, так я тебе так скажу, не крали ее, а сколданули!

— Как это? — не поверил я.

— А просто сидел кто ни есть у себя дома, книгу волшебную взял, заклинание прочел, и весь товар из лавок у его носа в сей же час и очутился. Сколданул он его, значит. Так что улик нет.

— Хорошенькое дело... Это что же, каждый, кому взбредет, такое может?

— Не каждый. На то книга нужна, не простая, а черная. И читать ее надо умеючи, а то и одного слова не произнесешь — замертво свалишься. Не простой человек тут орудовал, а колдун могучий! Нелегко будет с ним справиться...

— Ну, если колдун... Тогда понятно, почему исчезла именно черная ткань, — вслух поразмыслил я. — У него с головой не все в порядке, может, в

детстве ушибся, может, в юности мухоморов переел... Ничего не мог умнее придумать, как в столичном городе у купцов со склада тряпки таскать. Черные! На носовые платки, что ли?

— Не смешно, — сухо откликнулась Яга. — Пошли отсюда, слышь, уже поют.

Из терема действительно доносились чистые звуки слаженного многоголосья. Пели, по-моему, «Аршин малалан», но не буду утверждать наверняка. Поманив к себе какого-то горбоносого паренька, мы объявили об уходе, попросили извиниться перед хозяином и не забыть запереть склад. Мальчик кивал не переставая...

Митьку со стрельцами мы встретили на улице. Наши первоначальные планы несколько изменились — царь разрешения на обыск посольства не дал, а потребовал, чтобы я сей же час предстал перед его светлые очи. На самом-то деле Горох вполне доверяет мне, как профессионалу, но иногда, со скуки, пытается изобразить из себя опытного оперативника на пенсии и «координирует мои действия». Это смешно и трогательно, хотя в его присутствии я стараюсь не хихикать — царь все-таки...

На входе в государевы палаты нас встретил думный дьяк Филимон Груздев. Его простили, восстановив в должности, и теперь он относился к милиции с необыкновенным почтением. По крайней мере при царе...

— Ба, Никита Иваныч пожаловали! Ну, здравствуй, здравствуй, свет ты наш участковый! И вам поклон, бабушка! И тебе привет, Митенька, что ж ты, стервец, второй день уроки прогуливаешь?!

— Заняты мы, Филя, — ответила за всех Баба Яга. — Проводи-ка нас к царю, да не болтай без дела.

— Конечно, конечно... Как можно? Да рази ж мы без понятия? Соображаем, что вам секретность тайную соблюдать надо... А что за дело-то?

— Секретное, — еще раз повторил дьяковы слова старательный Митька, зажимая священнослужителя пузом в угол. — Никита Иванович, вы идите, а мы уж тут... алфавит хором поразучиваем.

— Куды? Без меня? — метался дьяк, безуспешно пытаясь выпрыгнуть. — А я? Да как же... Нельзя ж... без доклада!

У тронного зала нас с Ягой встретили царские стрельцы. Вся стража сразу заулыбалась — помнила наш совместный бой за государевым тронном.

— Проходи, сыскной воевода, ждут тебя.

— Давай, касатик, уж ты там разберись. Да помягче, поспокойней с Горохом-то, не ровен час, осерчает — уволит тебя под горячую руку. Я уж тут, у окошечка подожду...

— Здравия желаю!

— Здрав и ты будь, участковый. Ну-кошь, садись да обскажи мне обстоятельно, чего вы там с благородным купечеством удумали?

Горох старше меня на несколько лет, горяч, но отходчив, храбр, по-своему справедлив и для своего шестнадцатого века человек очень прогрессивных взглядов.

— Дело пока не особенно интересное... — задумчиво начал я. — Двое известных торговцев, граждане Аксенов и Кирокосьянц, подрядились до-

ставить определенное количество черного материала по предоплате некоему Шмулинсону. Купцы они известные, оба не один год в бизнесе, партнерством проверены и друг друга ни в чем упрекнуть не могут. Однако если вечером были переведены деньги, то утром оплаченного товара на складе не оказалось. Он таинственным образом исчез...

— Дак... это тот Шмель... Шмуль... он, в общем, сам его и покрал! — воодушевленно хлопнул себя по колену государь.

— Хорошая версия, но, боюсь, притянутая за уши. Зачем Шмулинсону красть собственный товар, если он за него уже заплатил?

— Так в чем и весь хитрый план... Он, вишь, и материю себе забрал, и деньги назад с купцов честных слупить хочет. Да точно тебе говорю — Шмулинсон и спер! Все они, Шмулинсоны, такие...

— О господи боже, что-то вас сегодня переклинило на антисемитизме. Разрабатываете новую концепцию «русской идеи»?

— А ты в мою политику не лезь!

— А вы в мою милицию лезете?

— А на то я и царь! Мне на роду написано всеми делами в государстве интересоваться, тем паче — уголовными. Ну, ладно... че там дальше-то было?

— Было покушение на меня и моего сотрудника, но мы с Митькой отбились. Обоим злоумышленникам удалось бежать. По следам крови и найденному зубу Бабе Яге удалось идентифицировать личности преступников.

— Кто посмел?! — грозно взревел Горох.

— По нашим сведениям, это некие Ганс Гогенцоллерн и Георгий Жуков, оба работают в штате охранников немецкого посла.

— Ешкин кот, — недобро процедил царь, сурово сдвинув брови. Мгновением позже он резво вскочил на ноги и громко топнул: — Стража!

— Здесь, ваше царское величество! — разом влетели стрельцы.

— Немецкий посол еще тут?

— Так точно, во дворе, в карету садится... — пояснил один. — Видать, домой к обеду спешают.

— Вертать взад! — рявкнул Горох. — Сейчас он у меня здесь... откушает!

Посла со всем надлежащим уважением внесли уже через пару минут, хотя он грязно ругался и отбрыкивался.

— Доннер веттер! Дас ист дойчер дипломат! Руссиш швайн! Думкопф!

— А-а... кто к нам пожаловал! — игриво улыбнулся Горох, сходя с трона и гостеприимно распахивая руки. — Кнут Гамсунович Шпицрутенберг, собственной персоной! Входи, входи, дорогой посол немецкий... со стрелецких-то ручонок спрыгни, чай не дитя малое, чтоб с тобой цацкались!

— Ваше царское величество... — Посол мгновенно изобразил изящный европейский поклон.

Господин Шпицрутенберг оказался долговязым и сухопарым немцем, скупой точностью движений напоминающим циркуль, в лиловых штанах, в камзоле с несчетным количеством пуговиц, чулках, башмаках, как у Гулливера, и длинном парике, болтающемся, словно уши спаниеля. По-русски говорил необычайно чисто, без малейшего акцента:

— Чем я могу служить русскому государю?

— Да так, мелочь сушая... Скажи-ка, мил человек, охрана твоя, что при слободе немецкой, не слишком велика ли?

— Я имею столько стражей, сколько достойно иметь представителю великой державы, — высокомерно вытянулся посол. — Лично мне, для обеспечения собственной безопасности, не нужен ни один. Я вполне обхожусь собственной шпагой.

— Да неужели? Так сколько, ты говоришь, при тебе солдат?

— Всего сто человек, считая конюхов, егерей, лакеев, поваров, портных, кюре, кузнеца и брадобрея. Я сам очень скромн в притязаниях, но положение обязывает...

— Кнут Гамсунович, видать, никак ты меня понять не хочешь... — сокрушенно проворчал Горох. — Уж который раз спрашиваю, охранников у тебя сколько?

— Десять, — сухо выдавил посол. — Если ваше величество сочтет их число чрезмерным, я охотно повешу шпагу на стену и полностью доверю собственную охрану вашим стрельцам.

— Ну, спасибочки за совет... Может, и вправду усадить тебя, от греха подальше, в палаты каменные, стрельцов приставить да охранять посменно, чтоб носу никуда не высунул!

— Что это значит?! — взвизгнул немец.

— А ты мне тут голос не завьшай! — грозно поднимаясь на цыпочки, прорычал Горох. — Я ведь не посмотрю на твою европейскую дипломатию — самолично по шеям надаю и с лестницы спущу!

— Мой государь Фридрих...

— А вот твоему Фридриху дулю с маком! Не нравится?! Другого посла пришлет. Не хочет?! Чи-

хал я на его эмбарго, обойдусь и без немецких сосисок!

— Но... такой разрыв дипломатических отношений... это же оскорбление на международном уровне! Европа не допустит...

— Что-о-о?! — Государь в праведном и совершенно неуправляемом гневе подпрыгнул, поймал полномочного представителя за пряди парика и притянул нос к носу. — Так ты, немчура австрийская, мне войной грозишь? Мало мы вам прошлый раз под Ревелем навтыкали?! Еще захотел? Так я тут сейчас и начну...

— Ваше царское величество! — не выдержав, вмешался я. — Ну нельзя же так, в самом деле... отпустите посла, мне с ним живым поговорить надо.

— Не лезь, участковый!..— сопел царь. — Зашибу...

— Посажу на пятнадцать суток за хулиганство и сопротивление работникам милиции! — твердо пообещал я, вставая между драчунами и распикивая их в стороны.

Оба активно упирались. Посол молча тянул к себе парик, а Горох ни в какую не хотел его отпустить. Победило русское самодурство. Государь удовлетворенно откатился, завладев отвоеванным париком, а немец оскорбленно дернул коротко стриженной макушкой.

— Так... все довольны? Как петухи, ей-богу... Наигрались, и хватит! Гражданин Шпицрутенберг, у меня к вам пара вопросов...

— Я не буду отвечать, пока...

— Фигу! Фигу тебе с маслом!

— Ваше величество... — Я требовательно протянул руку.

— Не отдам! — надулся Горох.

— Нехорошо...

— Все равно. Не отдам!

— Стыдно... И принесите извинения Кнуту Гамсуновичу за необоснованные обвинения.

Некоторое время царь и посол еще прожигали друг друга обиженными взглядами, потом парик переключивал к немцу и противники молча пожали друг другу руки.

— Итак, если инцидент исчерпан...

— С кем имею честь? — перебил дипломат.

— Ивашов, Никита Иванович, начальник лукошкинского отделения милиции, — представился я. — С вашего позволения, хотел бы выяснить, не входят ли в штат охранников некие Ганс Гогенцоллерн и Жора Жуков?

— Да, эти храбрые парни служат у меня.

— Вам известно, где они провели прошлую ночь?

— Я не в курсе... — Он недоуменно пожал плечами. — Обычно мой дом охраняется четырьмя стражниками, на ночь заступают другие четверо. Признаться, я не помню, в какую смену дежурили эти двое, а чем вызвано...

— Да, вишь, твои «храбрые парни» вчерашней ночью на участкового моего напасть посмели! — вновь воодушевился Горох. — А ты, Кнут Гамсунович, и знать ничего не знаешь... Это что же получается? Дипломатия спит беспробудно, а за ее спиной ее же защитнички дела уголовные вершат... на мою милицию лапку задирают?! Не позволяю!

— Но... я... прошу поверить... слово честного немца, если они виноваты... я сегодня же разберусь с мерзавцами! — воспрянул посол. — Господин милиционер, я буду просить вас немедленно отпра-

виться со мной в слободу и лично, в моем присутствии допросить обоих! Если будет хоть тень сомнения в их невинности, я тут же передам предателей в руки правосудия.

— Ну вот, другое дело... — ласково заключил царь. — Вот теперь — ты мне друг! Давай обнимемся и все забудем. Хоть ты и немец, а все-таки порядочный человек...

В само посольство мы выбрались уже к вечеру. Горох, по широте души легко переходивший от шумного гнева к щедрой любви, приказал накрывать столы и праздновать победу дипломатии. После третьей посол окончательно размяк, все простил и пил с царем на брудершафт, клянясь в вечной дружбе. Русский и немец — братья навек! Я ухитрился избежать возлияния, для службы нужна трезвая голова. Вышел к Яге, пояснил обстановку, потом договорился насчет стрелецкого эскорта. Если уж эти двое решились напасть на представителей милицейского управления, то уголовники они матерые. На всякий случай стоило оцепить всю немецкую слободу, а это не менее двух кварталов. Одной еремеевской сотней не обойтись...

Митька с присмирившим дьяком сидели во дворе, у конюшни, старательно горланя в два голоса:

Аз есть Арбуз, Арап, Армяк.
А Буки — Бредни, Бор, Бардак.
Есть Веди Вор, Весло, Варнак.
Глаголь — есть Гвоздь, Гумно, Гусак.
Добро — Дубина, Двор, Дурак...

Таким нехитрым способом дьяк Филимон учил своих подопечных азбуке. Оригинальный стихотворный текст принадлежал ему же, правда, на мой взгляд там было слишком много ругательств, но ни учителя, ни ученика это ни капли не смущало, и Митяй с воодушевлением продолжал:

Мыслете — Мымра, Море, Мир.
Покой есть Плут, Полено, Пир.

— Сожалею, что вынужден прервать ваши интеллектуальные занятия, но нам пора.

— Дак... мы ж не все буквы еще повторили, — заспорил было дьяк, но я проявил твердость:

— Завтра. Сегодня Дмитрий нужен мне как свидетель, необходимо провести очную ставку и опознать преступника. Завтра обещаю отпустить его на полдня для восполнения пробелов в чистописании. Напомните ему, что слова в тексте надо разделять, а каждое новое предложение начинать с заглавной буквы. Пошли, напарник...

Немецкий посол вышел от царя приплясывая, но своим ходом. Видимо, он уже не первый год осуществлял дипломатическую миссию в Лукошкине и был тренирован в таких делах. Для иностранца держался просто молодцом... Великолепный фореитор подал карету к самому крыльцу, мы четверо заняли места, я с послом, Митька с Ягой. Всю дорогу хранили вежливое молчание. Кнут Гамсунович нюхал какую-то соль, чтобы выветрить алкоголь из головы, а я размышлял о том, намного ли мы продвинулись в следствии. Вышло, что ни на шаг. Только больше запутались. Вылезли колдуны, нуждающиеся в черных тканях,

охранники немецкого посла, хлебосольные армяне, и ни малейшей зацепки по самому существу дела. Похищенного-то как не было, так и нет. Надо бы не забыть, завтра вызвать в отделение этого новоявленного гробовщика-менялу. Побеседовать о причинах непонятной доверчивости. Еврей дает армянину деньги и верит на слово в то, что русский товар уже привез, но взять можно только завтра! Подозрительно, да? Интуиция говорила мне, что стоит поглубже копнуть в этом направлении.

Немецкая слобода поразила прежде всего чистотой и аккуратностью. Судя по всему, дворы и дома ежедневно просто мыли с мылом! Стерильность прямо-таки умопомрачающая... Идя по чистеньким гаревым дорожкам, Яга только завистливо цокала языком, а Митька фыркал, бормоча под нос что-то квасно-патриотическое. Нас встретили вежливо-корректные лакеи, сопроводили в дом. Десяток стрельцов последовал с нами, десяток остался во дворе, больше сотни, как и договаривались, оцепили слободу. Кнут Гамсунович дал конкретные указания, поэтому никто не нервничал, все проходило без суеты и паники, в атмосфере законопослушания и полного подчинения начальству. Усадив всех нас в своем кабинете, немецкий посол велел подать кофе и немедленно пригласить к нему требуемых лиц. Яга с Митькой от угощения отказались, а я с таким восторгом выпил чашечку, прилагая всю силу воли, чтобы не попросить еще. Кофе! Господи, ну как же я не догадался поинтересоваться у иностранных посольств. Их ведь в Лукошкине не меньше пяти. Купцы иноземные кофейные зерна, конечно, не завозили, а вот в немецкой слободе — пожалуйста, есть! По моей

просьбе, для чистоты эксперимента, все десять телохранилителей были вызваны, построены в ряд, и Митька придирчиво осмотрел каждого, медленно гуляя туда-сюда. Потом неожиданно развернулся и, схватив за грудки рослого крепыша с бесцветными глазами, громко потребовал:

— Так, быстро, без размышления, повтори — слон сосал соску!

— Нихт ферштейн, — не разжимая зубов, напряженно прошипел немец.

— Ах, не ферштеешь, — обрадовался Митяй. — Он это, Никита Иванович, он! А ну, покажи зубы! Зубы покажи, кому говорят... О, вот! Нет у него зуба, что я говорил! Братва, вяжи злодея!

Посол сурово кивнул, и стрельцы взяли парня под стражу. Мне было намного сложнее, я ведь не видел своего врага в лицо. Было слишком темно, а по силуэту много не скажешь, но у одного охранника половина лица красовалась в свежих порезах, как у Шарапова.

— Ганс Гогенцоллерн?! — утвердительно спросил я.

Немецкий посол подумал и снова кивнул.

— Остальные свободны. Благодарю всех и приношу извинения за то, что оторвал от дела. Прочие восемь молча кивнули, и по-военному развернувшись, вышли, не задавая вопросов.

— Они оба ваши, — подтвердил Кнут Гамсунович. — Надеюсь, вы упомянете его величеству о моем полном содействии властям?

— Всенепременно.

Я обернулся к двум равнодушно ожидающим охранникам:

— Ну что, граждане... вы задержаны по подозрению в нападении на работников милиции. Если у вас имеется алиби, какие-нибудь смягчающие обстоятельства, вопросы или протесты, то лучше заявить об этом сейчас, чем через пару часов в пыточной башне.

— Нихт ферштейн. — На лицах подозреваемых не дрогнул ни один мускул.

— В отделение обоих. Вот ключи от поруба, на данный момент он пустует. Сунете вниз, поставите охрану, дождетесь меня, мне еще надо кое-что уточнить.

Стрельцы понятливо кивнули и увели преступников, Яга с Митькой вышли во двор, а я намеренно задержался у посла.

— Кнут Гамсунович, давно хочу спросить... Вот вы — немец, сколько я слышал о Германии — порядок у вас в стране есть. А мы в России, что у меня, что здесь, живем в каком-то непреходящем бардаке. То ли с властителями не везет, то ли природа у нас такая... И ведь народ-то талантлив без меры, душой богат, руки золотые, потенциал огромный, а вот... никак.

— Да, да, мой друг... У вас удивительный народ, совершенно замечательный народ...

— И я о том же... Но вот ведь смотрю, даже по вашей немецкой слободе — все чистенько, вылизано, мужчины и женщины ходят выглаженные, вежливые. Детишки во дворе в белых воротничках и фартучках играют. Мусора нет, шелухи от семечек не видать, пьяные под заборами не валяются... Одним словом — культура. У нас этого нет, а у вас — есть. Почему? Что нам с Россией делать надо, чтобы страну из хамства вытащить?

— Пороть, — ласково и убежденно пояснил немец. — Пороть ежедневно. За провинность и в качестве назидания. Только так!

— Чего? — не понял я. — Как это — пороть?

— Как мы порем. Вот у нас в слободе утро начинается с порки. В шесть утра общий подъем, хоровое пение гимна Германии, а потом специальная зондеркоманда ходит по домам и проверяет, где мусор, где шум, где недозволенные речи, где просто пели с недостаточным почтением.... Виновных там же на месте и порют. С утра десять шпицрутенов. За невымытые окна — двадцать, за грязь на улице — двадцать пять, за неопрятный вид — десять, за более серьезные проступки — до ста, за детские шалости — не больше пяти — мы же не звери...

Я вышел от него с больной головой и вздыбленными волосами. Слов не было... Фашист! Фашист натуральный! Да пусть нам по гроб жизни не быть в Европейском союзе, чем входить в него на шпицрутенах и детских слезах...

— Никитушка, ты че смурной такой?

— С немцем поговорил... о том, как нам благоустроить Россию.

— Да ты что?! Рази ж можно? Они ж, стервецы, отродясь ничего путного не посоветуют!

— Я бы не сказал... В моем мире немцы очень много сделали для приютившей их страны — Крузенштерн, Белингаузен, Клодт, Штильмарк, Блюхер...

— Как, как, Никита Иванович? Блю... кто?

— Иди ты, Митька! На два шага вперед! Не к Филимону тебя в обучение сдавать надо было, а

в немецкую слободу. За неделю бы человеком сделали.

— Не серчай на него, Никитушка, он по глупости, не по злобе... — вновь вмешалась бабка. — А только пока ты с послом о политике беседовал, я тут у обермейстера насчет субчиков наших уточнила. Не было их на дежурстве в ночь! Якобы у себя в казарме спали. Им, вишь, и в голову не приходит, чтоб кто-то самовольно из казармы ночью ушел. Че с них взять, немцы...

Уже темнело. Фонарей на лукошкинских улицах не предусматривалось, но пару раз попадавшие на пути стрелецкие дозоры радушно предупреждали, что в городе все спокойно. За поворотом темнел двухэтажный силуэт нашего терема. Вот и родное отделение, почти добрались... Митька первым ступил на деревянный мостик над неглубокой канавой на углу.

— Ой, батюшка воевода... глянь-кось, огонечек бежит! — удивленно выкрикнул он, указывая пальцами вниз.

Я слишком поздно понял, что это может значить... Грохнул такой взрыв! Земля и пламя взлетели в воздух, дымом заволокло все вокруг, нас с Ягой снесло к какому-то забору. Я так врезался спиной, что наверняка выломал пару досок. Рядом вверх тормашками приземлилась Яга, на фоне догорающих огрызков мостка четко вырисовывался ее впечатляющий нос, почему-то утыканный мелкими щепками.

— Поленом неструганым зацепило... — проследив мой взгляд, простонала бабка.

Я полез ей на помощь и едва не рухнул от дикой боли в колене — брюки были разорваны и над коленной чашечкой темнел багровый крово-

подтек. Зазвонил пожарный колокол, со стороны отделения бежали стрелыцы с факелами, повывлезали встревоженные соседи. Нас подняли, осмотрели, затушили огонь... Еремеев приказал своим ребятам порыскать по темным углам, но злоумышленников не нашли. Бабу Ягу так на руках и понесли в терем, я хромал следом, опираясь на стрелецкий бердыш. Черт побери! Вот это уже действительно круто! Заминировать мостик на нашем пути, вовремя поджечь бикфордов шнур, да так, что едва Митька...

— Митька! Где Митька?! Еремеев, задержи своих, нам надо его найти...

— Не кричи, участковый, — глухо ответил старший стрелец, обнимая меня за плечи. — Нет там никого... Мы уж сами все обыскали. Знали, что вас трое было...

— Как это нет?! — уперся я, а сердце сковало скользким холодом. — Он же... первым шел. Вон, говорит, огонек бежит. Я хотел... не успел я... Так грянуло, что земля дыбом! Но Митька... Боже мой, как же это?

Ближайшие парни снимали шапки. Мы стояли, окруженные толпой народа, чья-то баба заголосила первая, ее рев подхватили остальные, мужики хмурили брови, но кое-где уже раздавались гневные выкрики о «государевых злодеях». Люди поняли: в городе творится что-то противоестественное. Ну, грабеж, разбой, поджог, даже убийство, были делом редким, но все же привычным. А вот взрыв... Это уже акт террора! Это не метод уничтожения отдельно взятой личности, а попытка запугать всех. Лукошкинцев всегда отличала здоровая способность сплачиваться перед лицом общей беды, и народ заволновался, требуя раскрыть дело

и примерно наказать преступников. Возмущенные крики становились все громче:

— Че случилось, православные?

— Да Митьку беспутного из милиции убило!

— Как убило?

— На куски разорвало, даже лоскуточков не осталось...

— Ой, бабоньки-и-и!

— Ягу в терем унесли, видать, помрет к ночи.

— А участковый-то где?

— Да здесь стоит, весь пораненный. Ох, не жилец он теперь на свете, не жилец...

— Это кто ж такое злодейство удумал?

— Знамо кто — враги государевы! Сыскной во-евода, вишь, многим злодеям хвосты-то прижал, вот они ему и намстили...

— Ой, бабоньки-и-и!..

Импровизированный митинг грозил перерасти в несанкционированный самосуд. Не дожидаясь, пока какой-нибудь горлопан самолично укажет толпе подходящего «преступника», я с помощью стрельцов кое-как вскарабкался на покосившийся забор и обратился к людям:

— Граждане! Послушайте меня, вашего участкового... То, что сейчас произошло, не останется безнаказанным! У меня... погиб друг. Мой напарник, человек, беззаветно преданный службе в милиции... Дмитрий. Не сомневайтесь, я найду виновных. Я никому не позволю...

— Ой, бабоньки-и-и!..

— Да уймите же наконец эту дуру! Террористы, устроившие сегодняшний взрыв, будут найдены и обезврежены. Когда мне понадобится ваша помощь, а она понадобится обязательно, я сам приду и попрошу. А сейчас — расходитесь по домам. Не

надо ничего предпринимать, оставьте это дело профессионалам, мы... — Мне было очень трудно говорить. Мы — уже не звучало. Баба Яга приходит в себя в тереме, Митька... Эх, Митя, Митя...

— Летит! — совершенно сумасшедшим голосом заорал кто-то, и с ночных небес в шарахнувшуюся толпу упал непонятный предмет.

При ближайшем рассмотрении все признали в нем обычный лапоть. Минутой позже рядом грохнулся второй.

— Ой, бабонь... оп! — Похоже, тетке действительно заткнули рот.

Все подняли глаза вверх. На самом коньке нашего терема, невероятно изогнувшись, висела долговязая мужская фигура. Судя по ритмичному качанию, она намертво зацепилась штанами.

— М... м... Дм... Митька?! — прозрев, заорал я.

— ...а ...атюшка ...икита ...ваныч! — протяжно раздалось сверху.

— Ты живой?!

— ...ока... а! ...нимите ...еня ...риста ...ади! ...ропадаю!

— Граждане!— воспрянул я.— Вот и пришло ваше время помочь родной милиции. А ну, у кого дома самая большая и крепкая скатерть — тащи сюда!

Через пять минут воодушевленные горожане стояли у нашего терема, растянув за края целых шесть больших, расшитых петухами, льняных скатертей с бахромой.

— Митяй! Все готово, падай!

— ...оюсь! ...друг ...е ...оймаете? — Высота гасила его крики, да и орать носом вниз, ногами вверх не очень удобно.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА	7
ЗАГОВОР ЧЕРНОЙ МЕССЫ	249